

Данило Борисович

Выпадали-де снега да, право, на горы,
Кабы эти-де снега да испотаели,
Протекли-пробежали да ручьи грубыи,
А ле выпали-де ручейки на тихой Дон.
На тихом-де Дону, да на казачькoем,
А ле жил ле Данило да сын Борисович,
А Данило-то да он ведь атаманом был,
Атаманом он был, право, управителём,
А имел он-де шайку петьсот молодцов.
Говорит-де ребятам, добрым молодцам:
«Уж вы ой есь, донски да наши казаки!
Кабы хто из вас есь да, право, мастера,
А ле хто мастера из вас есь плотники —
Нам большой-де ведь струг да надо сробити,
А такой-де стружок — да не велик, не мал:
А штобы понёс он нас, петсот человек,
А петсот человек да донских казаков,
А со всей штобы нас да со орудийё!»
А нашлись ведь тут да вного плотничков,
А ле стали ёни да струг ведь робити —
Кабы этот ведь струг да ёни сробили.
Он уж здумал, Данило да сын Борисович:
На серёдку-де он да срубку сробити,
А ле сробити-де он, право, поставити,
А поставити-де он да муровей-чердак,
Отенуть-де чердак да черным бархатом,
А пробить это чердак да золотым гвозьём.
В чердаки он кроватку да здумал сробити,
А кроваточку-де он, право, тесовую:
А ле ноги у кроваточки дубовыи,
Не простого кося — зубья рыбьяго!
На кроватку — перину ле нонь пуховую,
На перину — взголовьичо косявчато,
А ле мяконьки подушечки чижовыи,
А подушки, одеяло да соболинё.

А совсем этот чердак, право, построили,
А совсем этот чердак да приготовили —
Приказал Данило притти всем на лёгкой струг.
А собрались они, петсот да добрых молодцов,
А с луками, со стрелами нонь с калёныма,
А зашли они-де все, да добры молодцы, —
Говорит тогда Данило сын Борисович:
«Уж вы ой еси, робята, добры молодцы!
Я забыл-де ведь дома да тощу менную,
Тощу менную-де — палицу буёвую».
Говорят-де его да добры молодцы:
«Уж мы сколькоеро пойдем да за твоей казной?»
Говорит-то Данило да сын Борисович
На ответ: «Вы потьте хоть и пётеры».
А пошли-де как петь да добрых молодцов,
А приходят они да ' тощы менной,
А ли ' той они палицы буёвой, —
За один они конеч да не могли признать,
А назад они пошли ноньце без паличи.
А приходят назад они на лёгкой струг,
Говорят они, как эти да петь молодцов:
«Уж не могли мы поднеть да за один конеч!»
А други кабы выхвастались десетеро:
«Уж мы десетеро принесем тощу менную!»
А приходят они к той да тощи менной,
Кабы этой ле паличи буёвой,
За один они конеч одва пошевеливают,
А другого конча да не могли поднеть,
А назад они пришли опеть порозныи:
Не могли принести палицу буёвую.
У Данила-то ево сына Борисовича
Кабы был под рукой слуга верная:
Он уж пил с ним и ел да с одного стола,
А ле платьё носил да с онного плеча —
А не больше он был да лет семнадцети.
Говорит-то Данило да добру молодцу:
«А поди-ко ты по палицу да сбегай же!»
Кабы скоро побежал да доброй молодец,
Он схватил эту тощу да за один конеч,

Потащил эту тощу да на правом плечи,
Кабы бросил-де он тощу на лёгкой струг.
На тощи ведь подпись есь подписана,
А ле подрезь есь подрезана,
А ле каким она кузнечём да, право, роблена,
А ле сколько весу — она описана,
А описана она да шестьдесят пудов.
А совсем они собрались да нынь направились,
Уж и поплыли они да по тиху Дону,
По тиху-де Дону, да по казачкому, —
Ай хотели проплыть они весь тихой Дон
А к тому кабы шаху да Персичкому.
На усьмориихватила да их погодушка,
А така ле ка ' шторма да великая,
А ле едва-едва они да не погинули,
А не смели они-де на морё выехать,
А ' персицким берегам они поехать.
Воротились они назад по тиху Дону,
По тиху Дону ноньце в город Ростов,
А ле к Митрею-царю да, право, Бранскому —
А постигла их тут да тёмна ноченька.
Кабы Митрея-царя да, право, Бранского,
Его в городе как дома не случилось,
Только была у его, право, ронна сестра,
А ронна сестра с малиньким насленником.
Розорили-де они да весь Бранской город,
А сестра-де с насленником онна выбралась.
Как серебро, они ведь золото всё обрали,
Убрались они да сами ведь из города,
Из города убрались они на лёгкой струг,
Кабы по Дону назад они поехали.
Кабы после того да после этого
А приехал-де Митрей-царь ведь Браницкой —
А ле всё розорено его имущество,
Кабы всё розорено да розворовано,
Розорено-де всё да надруганось.
А ли Митрей-от ле Бранской он хитёр-мудёр,
У его ведь есь науки козачькии,
Уж казачкии науки да молодецкии:

Он заставил затопить печьку-муравленку,
А ле взял он своё да черно книжьичо,
А ле стал он книжку эту прочитывать,
Кабы стал он слова таки выговаривать:
«Уж вперед штобы ходу да им ведь не было!»
Приказал он поймать коня доброго,
А садилса-де Митрей на добра коня,
Кабы взял он с собой да, право, тугой лук,
А тугой-де как лук со тетивочкой,
А ле взял он стрелочку калёную,
А калёную стрелочку-перёночку,
А поехал он ' сугон да за разбойником.
Он настиг этот струг, право, по берегу —
А ле струг-от стоит да не у берегу,
На субой далеко да он поставленной.
Он направил ле свой да, право, тугой лук,
Он наладил-де стрелочку калёную
А ле сам он стрелы да приговаривал:
«Полети-де ты, моя да калена стрела!
Пролети ты-де палубу струговую,
Росшиби ты, пробей да муровой чердак,
Залети ты Данилу да как во правой глаз!» —
А спустил он стрелу да из туга лука.
Заскрыпели-де у лука туги маклеки:
Как не два серы волка завояли —
Полетела из лука да калена стрела,
Пролетела она у струга палубу,
Уж пробила-проломила муровой чердак,
Залетела она Данилу нонь во правой глаз.
Заревел-де Данилко ярым голосом:
«Уж вы ой еси, ребята, добры молодцы!
А топере-де мне, право, конеч пришел,
Уж вы вывезите миня да на сыру землю!»
Повезли-де Данила да на сыру землю —
Как осталса Данило да сын Борисович.
А поехали затим они по тиху Дону,
Они ведь ехали-де с утра да день до вечера —
А постигла-де их да нынцце тёмна ночь.
Уж сварили они ужину, поужинали,

Уж хотят они легчи да нынь на тёмну ночь.
Как потыхла зоря ноньце вечерняя,
Набежал у них Данило да сын Борисович,
Говорит-то Данило да таково слово:
«Я вас всех-де нынь съем, да, право, всех прием!»
А на то ведь его слуга верная
Он ухвачивый-де был, право, увёрточной,
Побежал он-де скоро да на лёгкой струг,
Он схватил эту тощу да, право, менную,
Как билса он с им, право, во всю нонь ночь,
А во всю-де он ночь до самого утра —
А не мог он убить, право, разбойника.
Зачелась как зоря да, право, утренна —
А один-де пристал да ёдва жив стоит,
А другой-де от свету да пал на землю.
Кабы здумали ёни, да добры молоццы,
Кабы в землю-де яму, право, выкопать,
А в испод его глазами да в яму бросити.
А зарыли они его жолтым песком,
А наверх закатали да хрешьё-каменьё,
А оттуль-де назад домой поехали.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. — май 1902 г., с. Усть-Цильма Печорского у. — от Дуркина Дмитрия Карповича, 40-45 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.